

Мигрант Сергей Михайлович

30.4.94.

# СЕРГЕЙ ЛИФАРЬ. Одиссея Энтузиаста

Род. везиц. - 1904 - 30 апр. - 66

Его жизнь, полную творческих удач и воплощенных замыслов, можно назвать счастливой. Работать с Дягилевым в Опера де Пари, воссоздавать французский балет, поставить свыше 200 спектаклей - это высшее удовлетворение, которое дано артисту: триумф состоявшегося таланта.

Майя КРЫЛОВА

Сергей Михайлович Лифарь, 90-летие со дня рождения которого мы отметим в будущем году, появился на свет в 1905 г. в Киеве. Его юность пришлось на годы гражданской войны. В голодном, расхристанном городе каким-то чудом продолжается балетная жизнь: Бронислава Нижинская, сестра великого танцовщика, ведет занятия в своей студии. К ней Сережа попал случайно и был покорен танцем навсегда, «полюбил свою возлюбленную», как говорили впоследствии. Лифарь прилежно занимается, стремясь постигнуть азы классического балета. Его киевская жизнь вместила многое: страстную любовь к женщине, которую он в мемуарах назовет «графиней»; тиф, ЧК с его вездесущей «лапой», попытки уехать за границу... Все решилось внезапно. Нижинская, вырвавшись в Париж, рассказала Дягилеву о своей студии. В то время его антрепризе не хватало танцовщиков, и мэтр предложил выпустить из Киева пять наиболее одаренных учеников. Так в 1922 году Сережа Лифарь оказался во Франции.

Сомнение в своем таланте и страх перед Дягилевым привели к срыву: первый показ окончился скандалом. Сергей Павлович кричал Нижинской: «Зачем вы привезли этих неучей?!» Пришлось выступать в «глухом кардебалете», испытывая гнетущее чувство одиночества и неуверенности. Но постепенно обстоятельства меняются. Фантастическая работоспособность, честолюбие и ощущение нераскрытых возможностей подстегивают Лифаря. И грозный Дягилев - уже другой. «Я продолжал избегать встреч... Не только сковывающее смущение и робость овладевают мной при виде его, как это было раньше, но и какое-то странное тревожное чувство говорит, что Дягилев ищет встречи со мной, хочет со мной говорить»...

Сергей Павлович всегда многозначно влиял на тех, кто принимал его творческое и личное покровительство. Он развивал их ум и вкус, понимание искусства, лепил из подопечных творцов. Взамен требовалось подчинение властному характеру и... принятие особой сексуальной направленности. Результат бывал разным и зависел от личности опекаемого. Нижинского это сломало, Лифарю - с его сильной волей - помогло обрести себя. Учитель и ученик вместе

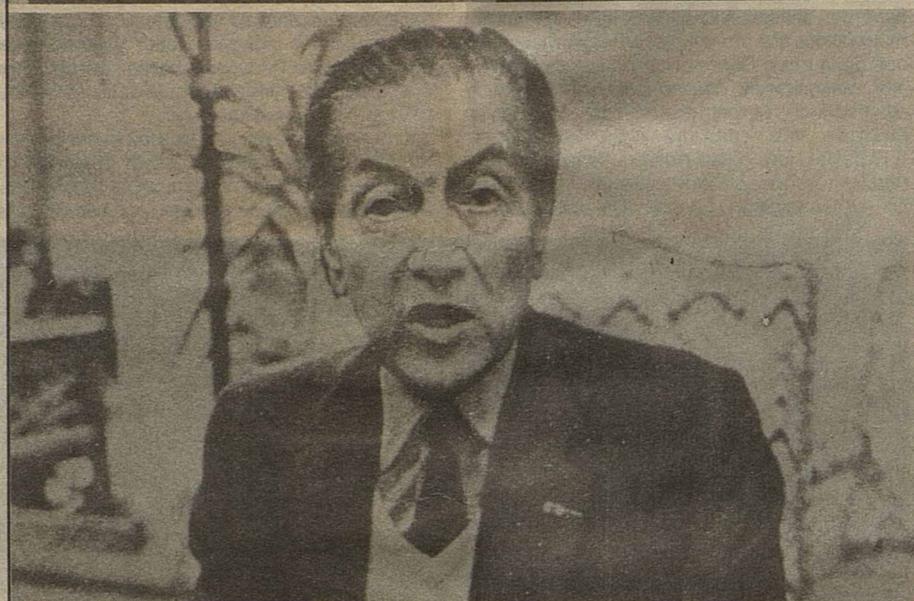
ходят по музеям и соборам Европы, ведут длинные исповедальные разговоры.

Танцовщик делает феноменальные успехи. Он исполняет роль Борейя в балете «Зефир и Флора», ветра юного и неукротимого; участвует в «Свадебке» И. Стравинского, решенной Брониславой Нижинской как стилизация старинного славянского обряда; делит с С. Прокофьевым и Г. Якуловым скандальный успех - неудачу «Стального скока» - балета о новой большевистской России. Лифарь выступает как партнер великих балерин - Ольги Спесивцевой, Веры Трефиловой, Матильды Кшесинской. Он танцует главные партии в постановках молодого Георгия Балаanchivadze, в будущем всемирно известного хореографа Джорджа Балаanchина. По окончании премьеры «Аполлона» Дягилев поцеловал ногу артиста, второй и последний раз в жизни выражая подобным образом восхищение талантом (впервые это было с Нижинским после «Видения розы»). А увидев, как Сергей исполняет Блудного сына в одноименном балете, сказал: «Спасибо тебе, ты настоящий артист. Теперь мне нечему тебя учить, я у тебя должен учиться». В трагедии Блудного сына, вспоминал танцовщик, он как бы «сыграл самого себя, свою жизнь».

Началась судьба премьеры - аншлаги, цветы, представления высочайшим особам. Нам, не видевшим искусства Лифаря, остается поверить восторженным отзывам, например, известного балетомана А. Плещеева: «Это не танец, не пластика, это - колдовство».

Лифарь обрел собственные художественные критерии в противоречивой, сложной ситуации. На главу «Русского балета» нажимали отовсюду: «справа» (в 1924 году на спектакле «Mеrcure» толпа бросилась бить Пикассо - автора декораций) и «слева» (парижские сюрреалисты во главе с Луи Арагоном и Анри Бретоном устроили скандал в театре против «буржуа» Дягилева и не подавали руки тому же Пикассо «за предательство»). В труппе «Балле рус» Лифарь впервые пробует силы как хореограф: работает над «Байкой про Лису» И. Стравинского.

1929 год. Умирает Дягилев, распадается прославленная антреприза. В то же время директор Парижской оперы Жак Руше приглашает Лифаря - ему было тогда 24 года - поставить спектакль «Создание Прометея» на музыку Бетховена. Так началась многолетняя работа. «Не без законной гордости могу сказать, что мне, русскому танцовщику и хореографу, вы-



На снимках: Сергей Дягилев; Сергей Дягилев и Серж Лифарь (Лондон, 1927 г.); Сергей Рахманинов и Серж Лифарь (Париж, 1939 г.); Серж Лифарь (один из последних снимков, Париж, 1985 г.).

пала на долю честь и заслуга реорганизовать и создать французский национальный балет». Лифарь воспитал плеяду великолепных артистов, создал слаженный театральный ансамбль, особый репертуар, воплотил возможности, что намечались под влиянием дягилевской труппы. Ведь до нее этот вид искусства влачил на своей исторической родине жалкое существование, превратившись к началу XX века в дивертисмент, который давали в добавление к опере.

Лифарь опроверг теорию, согласно которой выдающемуся танцовщику не дано быть и талантливым хореографом. «Начало его хореографической деятельности совпало с концом той счастливой эпохи, когда европейский балет еще продолжал быть искусством для избранных, когда от него еще по-прежнему веяло изысканностью, утонченностью, прохладным ветерком благородных традиций императорского балетного училища. И... этот прекрасный отблеск безвозвратно ушедшего исходит из всех сценичес-

ких творений С. Лифаря», - писал рецензент. От Дягилева хореограф воспринял эстетизм: главным для обоих было качество искусства, его предельная выразительность. Но были и различия. Они связаны с разницей исторических эпох. Воспитанный XIX веком, он до конца дней упивался «поэзией машины, небоскреба, трансатлантика». Он остро чувствовал пьянящие ритмы времени, когда темп жизни резко ускорился, наступило царство комиков, дайджестов и инсталляций. Лифарь уже успел увидеть издержки того, чем так бурно восхищался его духовный отец. И желал другого. Его постановки «Икар», «Александр Великий», «Песнь Песней», «Торжествующий Давид», «Голый король», «Жизнь полишинеля», «Сюита в белом» отличны друг от друга стилем и пластикой. Но сходны в одном. Переживая утрату цельности, отказываясь от упоения дисгармоничностью XX века, Лифарь всем существом ощущал потребность дополнить искания художественного

авангарда с его культом абсурда и алогизма.

Сергей Михайлович работал в Опере до 1944 года. Затем - разрыв по причинам, как выразилась парижская газета «Русская мысль», «послеоккупационно-политического характера». Победители нацизма не могли простить руководство балетом в годы войны. Самым большим упреком стал тот факт, что Лифарь вынужден был принимать Гитлера и служить ему гидом, когда фюрер выразил желание осмотреть прославленное здание оперного театра. Не захотели вспомнить хлопоты артиста о своих коллегах перед немцами, угрозы фашистов, подозревавших Лифаря в «симпатиях к еврейству» - ведь он ставил спектакли по Библии.

Уже через три года хореограф возвращается обратно в старинный театр и будет работать еще 11 лет. И даже после ухода на пенсию его опять пригласят в Опери, где он стал поистине незаменимым.

Выступлений на сцене, сочинения новых балетов было недостаточно для Лифаря. Он обращается к теории танца, рассматривая его своеобразно: «Все мое восприятие жизни находится в полной зависимости от моей танцевальной психики». Лифарь - автор многих книг: «Хореографический манифест», «Танец», «Мысли о танце», «История русского балета», получившая в 1950 г. премию Французской академии, биографии Анны Павловой, Тамары Карсавиной, Карлотты Гризи... Он написал автобиографическую книгу «Дягилев и с Дягилевым». Критик изучал, просвещал, отыскивал новое. Знакомые получали письма, в которых он требовал сообщить забытые и неизвестные факты истории хореографии. Перед войной в Лувре прошла выставка, посвященная «Русским сезонам». И благодаря хлопотам Сергея Михайловича в 1966 г. одной из площадей Парижа присвоили имя Дягилева. Лифарь ведет курс по истории танца в Сорбонне, читает публичные лекции. Его педагогическая деятельность была настолько интересна, что зал всегда оказывался переполнен, чтения увлекали молодежь и даже... монахинь, по свидетельству очевидца, постоянных посетительниц.

Деятельность Сергея Михайловича неизбежно должна была выйти за рамки балета. Пытливый ум и обширная эрудиция влекли его к пониманию единого художественного закона, общего для всех искусств. Существовала и другая, главная причина. Покинув родину в юности, он не мыслил себя без России. Ему были близки вещи слова Зинаиды Гиппиус: «Мы не в изгнание, мы в посланье». Творчество как доля во вкладе русской культуры в мировую «копилку» духовных ценностей - то был выбор, осознание прочных связей со своей страной. Лифарь - плоть от плоти русской эмигрантской колонии, один из членов этого уникального микромира.

Соотечественники Лифаря в эмиграции признавали - он стал для них вдохновляющим примером, воплощающим культурный смысл русского зарубежья. И напоминал Дягилева - та же энергия, тот же азарт в преодолении препятствий, то же умение доставать деньги.

Как председатель Общества сохранения русских культурных ценностей Лифарь поддерживал дружеские и деловые отношения с Буниным, Рахманиновым, Коровиным, Мержковским, Бенуа... Их общее чувство «пушкинской земли» привело к созданию в 1937 году в Париже большой выставки к 100-летию смерти поэта. Лифарь представил свое уникальное собрание, основу которого он унаследовал от Дягилева. В конце жизни тот страстно увлекся библиофильством, приобретая старинные книги и рукописи, в том числе 11 писем Пушкина

и оригинал «Путешествия в Арзрум» (их передали наследники внуки поэта графини Торби).

Лифарь спасал от разрушения православную церковь в Париже, убергал архивы Общества русской культуры от богатых американских покупателей, организовывал дни, посвященные Ивану Федорову и Лермонтову, пытался издать труд о культуре русского зарубежья за 50 лет и «Золотую книгу эмиграции» (она не состоялась, по словам Лифаря, «из-за политиканства»).

Сергей Михайлович серьезно увлекался живописью, устраивал свои выставки. Темы картин художник черпал из мира танца («Арлекин», «Тальони», «Анна Павлова», «Три грации», «Балерина»). И самого Лифаря писали знаменитые художники: Пикассо, Михаил Ларионов...

Мечтой всей жизни артиста стало желание побывать в России. В 1958 г. балетная труппа оперы гастролировала в СССР. Наши власти не пожелали дать визу ее руководителю. Все же через несколько лет Лифарю удалось приехать. Он подарил Пушкинскому дому рукопись «Арзрума» и предложил бесплатно передать письма поэта и всю коллекцию картин, рисунков и эскизов декораций, собранную за многие годы. Условья дарителя были просты: дать ему возможность поставить балет в Большом театре и создать для коллекции отдельный музей с упоминанием его имени. То, что во всем мире с благодарностью бы приняли, оказалось для Е. Фурцевой (министра советской культуры) неприемлемым. Так Россия потеряла бесценные сокровища. Письма Пушкина позднее за огромные деньги купили на аукционе, остальное ушло с молотка, расплылось.

Последние годы жизни Лифарь провел в Швейцарии, где жил с женой, графиней Аллефельд, занимавшая разборкой своего графидозного архива. Он умер в 1986 году. Лифарь был человеком со сложным характером. Иные недолюбливали его, считая слишком амбициозным и честолюбивым. Но вот слова Матильды Кшесинской: «Я его искренне полюбила за его приветливость, за доброе сердце, за его ум и безусловный талант». Лифарь был явлением, величина и размах которого сметали все обычные понятия.

К деньгам он был совершенно равнодушен, и все, что зарабатывал, раздавал или тратил на пополнение коллекции. В зените славы, когда он царил над публикой, вышедшим обществом и балетом оперы, когда не было газеты или журнала, где ежедневно не красовалась бы его фотография, он жил в скромном отеле, в комнате, заваленной книгами, а на голове носил старый берет. «Неугомонный дерзатель, своеобразно соединивший в себе черты Дон-Кихота с чертами больших меценатов прошедших веков и с чертами деятеля американской складки». Это сказано о Дягилеве, но справедливо по отношению и к его любимому воспитаннику. И место Лифаря в истории культуры - рядом с блистательным мэтром: они оба прославили Россию, достойно представляя ее в созидательном творчестве.

...В ночь перед смертью он говорил с Тихоновой по телефону, говорил только о балете... Похоронен Лифарь на кладбище Сен-Женевьев де Буа, среди других «русских французов». На его надгробии словно незримо высечены слова, которыми Поль Валери озаглавил свое знаменитое эссе, посвященное Лифарю: «Душа и Танец».